ИСЛАМ И ПОЛИТИКА
Ответственный за рубрику: *Мухаметшин Р. М.*
© Исламоведение. 2026. Т. 17, № 2 (68)

ISLAM AND POLITICS
Person in charge of the section: *Mukhametshin R. M.*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2026. Vol. 17, no. 2 (68)

DOI: 10.21779/2077-8155-2026-17-2-75-87

УДК 297

Содержание статьи

Введение.
Демократический транзит Турции.
Извилистый путь Египта к демократии.
Заключение.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 11.04.2026
Передана на рецензию: 17.04.2025
Получена рецензия: 28.04.2026
Принята в номер: 25.06.2026

Демократические процессы в странах мусульманского мира: Турция, Египет

***М. Я. Яхьяев*[1]**

Дагестанский государственный университет; muchtar59@mail.ru

Аннотация. В предыдущей статье был рассмотрен опыт демократического транзита Индонезии, Пакистана и Ирана[2]. В продолжении затрагиваются проблемы и противоречия, возникавшие в ходе демократических преобразований Турции и Египта. Отличительной особенностью политических процессов, происходящих в этих странах, является их модернизация, преимущественно, путем копирования и адаптации к местной специфике апробированных и показавших свою эффективность институтов западной демократии. Однако преобразования, осуществляемые в этих странах по европейским образцам, вели не столько к демократизации жизни, сколько к утверждению авторитарных режимам правления, сужающих поле политической деятельности оппозиционных сил, в т. ч. и религиозных движений. И такое ограничение роли ислама в общественно-политических процессах провоцировало рост влияния на массовое сознание радикальных религиозных и националистических организаций, стремящихся легитимироваться на волне демократических преобразований и оказывающих упорное сопротивление усилиям реформаторов выстроить национальные модели «управляемой» демократии.

Ключевые слова: Турция, Египет, демократия, авторитаризм, ислам, исламизм, радикализм, либерализм, светскость.

DOI: 10.21779/2077-8155-2026-17-2-75-87

UDC 297

Content of the article

Introduction.
Turkey's democratic transition.
Egypt's winding path to democracy.
Conclusion.

Information about the article

Received: 11.04.2026
Submitted for review: 17.04.2026
Review received: 28.04.2026
Accepted for publication: 25.06.2026

Democratic Processes in the Muslim World: Turkey, Egypt

***M. Ya. Yakhyaev*[3]**

Dagestan State University; muchtar59@mail.ru

[1] *Яхьяев Мухтар Яхьяевич* – зав. кафедрой философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета, доктор философских наук, профессор; https://orcid.org/0000-0003-2243-7222.

[2] *Яхьяев М. Я.* Демократические процессы в странах мусульманского мира: опыт Индонезии, Пакистана, Ирана // Исламоведение. 2026. Т. 17, № 1 (67). – С. 98–115.

[3] *Mukhtar Ya. Yakhyaev* – Dr. Sc. (Philosophy), professor, head of the Philosophy and Socio-Political Sciences Department, Dagestan State University; https://orcid.org/0000-0003-2243-7222.

Abstract. The previous article examined the democratic transition experiences of Indonesia, Pakistan, and Iran. This article continues by addressing the problems and contradictions that arose during the democratic transformations in Turkey and Egypt. A distinctive feature of the political processes taking place in these countries is their modernization, primarily through the copying and adaptation to local specifics of proven and effective Western democratic institutions. However, the reforms implemented in these countries and based on European models led not so much to the democratization of life as to the establishment of authoritarian regimes, narrowing the scope of political activity for opposition forces, including religious movements. This limitation of the role of Islam in socio-political processes provoked the growing influence on the mass consciousness of radical religious and nationalist organizations seeking to legitimize themselves on the wave of democratic transformations and stubbornly resisting the efforts of reformers to build national models of "managed" democracy.

Keywords: Türkiye, Egypt, democracy, authoritarianism, Islam, Islamism, radicalism, liberalism, secularism.

Введение

Осмысление противоречивого опыта осуществления демократических преобразований, накопленного Турцией и Египтом, имеет важное значение как для решения вопроса о совместимости демократии с исламом, так и для разработки теоретической модели исламской демократии. Демократический транзит этих мусульманских стран обнаруживает, что попытки принудительного утверждения институтов и ценностей западной либеральной модели демократии, реализовываемые без учета исламских представлений о правлении и культурно-исторических традиций народов, приводят к противоположным от ожидаемых результатам. Избирательное внедрение демократических институтов и процедур оборачивается укреплением режима личной власти очередного правителя, приводимого к рычагам правления демократическими процедурами. Принудительная «демократизация» мусульманских стран ведет не к утверждению подлинного народовластия, а к еще большему обострению социально-экономической ситуации, ухудшению благосостояния масс, поляризации общества, росту безработицы, разгулу коррупции и прочим социальным язвам. Возникающие в ответ на это протестные настроения масс используются оппозиционными к режиму силами, прежде всего, радикальными исламистскими и националистическими движениями, пытающимися легитимизироваться и получить доступ к рычагам власти на волне демократических процессов.

Политические преобразования в Турции, начавшиеся еще в поздний период существования Османского халифата, находятся в поле пристального внимания как турецких исследователей, так и множества экспертов-аналитиков из самых разных стран. Сложность и противоречивость исторического пути продвижения Турции к демократии подвергается рассмотрению в фундаментальном исследовании И. Гёзайдина «Религия, политика и общество в современной Турции: 1808–2023» [18]. Нелинейность демократизации, сопровождающейся периодами авторитарных режимов и ростом влияния исламских популистских движений, осмысливает Ф. А. Маджид [17]. Взаимосвязи между демократией и демократизацией, религией и секуляризмом высвечиваются в работе Р. Шайхутдинова [23]. Нелиберальный оборот траектории демократизации Турции как отступление от демократии и скрытую смену режима правления высвечивает Айла Гёль [15]. Из зарубежных авторов стоит выделить: работу Дж. М. ВандерЛиппе «Политика турецкой демократии: Исмет Иненю и формирование многопартийной системы, 1938–1950 гг.», изданную в Нью-Йорке в 2005 г.; фундаментальное исследование П. Мэнсфилда «История Ближнего Востока», выдержавшее четыре издания; монографию И. Турана «Трудный путь Турции к

демократии. Два шага вперед, один шаг назад», опубликованную в Оксфорде в 2015 году, и др.

Из отечественных авторов политические процессы в позднеосманский и раннереспубликанский периоды развития Турции, а также процессы либерализации, начавшиеся с переходом к многопартийной системе, и влияние государственных переворотов на эволюцию турецкой демократии исследуются в работах Д. В. Жигульской [6; 7]. Переход Турции от нелиберальной модели демократии к классической западной, проявившийся в попытках выстраивания институтов демократии, аналогичных европейским, и поставивший страну в промежуточное положение между демократией и авторитаризмом, рассматривается В. А. Аватковым и А. И. Сбитневой [2]. В. И. Шлыков и П. В. Шлыков анализируют парадоксы взаимосвязи внутренних и внешних факторов, имевшие место в процессах демократизации Турции [14].

Интерес в плане понимания политических процессов в мусульманской стране представляет монография М. Ф. Видясовой и М. Ш. Умерова [4], в которой на основе рассмотрения диалектики демократии и авторитаризма в переходных обществах авторы осмысливают особенности государственного обустройства Египта осуществляемой «сверху», подвергая при этом критическому анализу «исламскую альтернативу» западной демократии. Провальный характер попыток принудительной демократизации Египта по западным образцам подвергается разбору в работе В. Кузнецова и Л. Оганисян [10]. Демократические процессы в Египте находятся в поле зрения и многих других исследователей, среди которых можно выделить работы Б. В. Долгова [5], А. Аксененока [3] и др.

Демократический транзит Турции

Опыт Турецкой Республики, которая прошла долгий, сложный и извилистый путь политической модернизации по европейским стандартам, представляет особый интерес в плане понимания противоречий и перспектив демократизации мусульманской страны. Начало демократического транзита турецкого общества многими исследователями увязывается с упразднением Османского халифата, когда под руководством первого Президента Мустафы Кемаля Ататюрка страна приступила к осуществлению политических преобразований, имеющих целью превращение Турции в светскую республику с парламентским режимом правления. Принятая в 1924 году Конституция Турецкой Республики закрепила однопалатный парламент, уполномоченный избирать президента, гарантировала равенство всех перед законом, свободу мысли и слова, публикаций и ассоциаций, прочие атрибуты европейской демократии. Два года спустя был принят Гражданский кодекс, который в законодательном порядке закрепил равенство мужчин и женщин, несколькими годами позже женщины были наделены и правом голоса.

Турецкая государственность, которая выстраивалась в условиях жесткого авторитаризма на основе принципа светскости (лаицизма), привела к упразднению шариатских судов, запрету символики ислама, суфийских орденов и прочих религиозных атрибутов, характерных Османскому халифату. В ходе внесения правок из 2 статьи Конституции было исключено положение об исламе как религии турецкого народа, а определение нации как мусульманской уммы заменено ее определением как народа Турции. Республиканская Турция несколько последующих десятилетий демонстрировала относительную эффективность кемалистской модели демократии, когда «секуляризм… придавал развитию общества значительный динамизм, одновременно возвращая религии присущую ей функцию опоры в жизни для верующего» [18, с. 150].

Осуществляя политические преобразования, кемалисты не стремились к полной секуляризации общественной жизни, т. к. прекрасно осознавали, что «…турецкие массы,

остававшиеся крестьянами, сохранили свою исламскую веру» [19, с. 195]. Предпринимаемые меры светской направленности обосновывались ими необходимостью сохранения традиционного для турецких мусульман ислама и желанием под контролем власти «развить свой собственный “одомашненный” ислам» [22, с. 217], свободный от арабских и персидских наслоений. Одновременно реформаторы добивались разделения сфер влияния государства и религии, обеспечения государственного контроля за религией. В интересах этого был принят Закон об организации Управления по делам религий, отдельным законом была запрещена деятельность различных суфийских сообществ, алевитских и иных религиозных общин как еретических отклонений в исламе. Результатом проводимых кемалистами реформ явилось то, что де-факто «светское государство сменило халифат, который на протяжении веков претендовал не только на политическую, но и духовную власть над мусульманами» [13, с. 95]. И до начала 90-х годов Турция оставалась чуть ли не единственным светским государством мусульманского мира, чья политико-правовая система имела мало общего с мусульманским правом.

Значимой вехой демократической модернизации Турции многими исследователями считается произошедший в 1946 году переход к многопартийной системе, связанный с основанием Демократической партии, составившей конкуренцию Народно-республиканской партии, которая до той поры оставалась единственной партией на политической арене страны. Последующему утверждению демократического режима способствовало закрепление в Законе о выборах 1950 года таких значимых принципов демократии, как тайное голосование, открытый подсчет голосов, защита выборов судебной системой и пр. [6, с. 382]. Шагом вперед в демократическом развитии явилось и принятие новой Конституции 1961 года, закрепившей права и свободы человека в либеральном их понимании.

Последующая трансформация политической системы происходила в результате острой межпартийной борьбы и сопровождалась социальной поляризацией общества. Проводимые во второй половине XX века политические преобразования, «тесно переплетались с процессами, имевшими недемократический характер или маскировавшимися под «демократические», но не являвшимися таковыми в действительности» [2, с. 271–272]. Наиболее недемократическими способами реформирования страны явились четыре военных переворота, пережитых Турцией с 1960 по 1997 гг. Лидеры переворотов, которые позиционировали себя в качестве гаранта продвижения нации к демократии, обосновывали свои претензии на власть необходимостью предотвращения возникающих демократическому развитию угроз, защиты прав и свобод, обеспечения верховенства права, пресечения злоупотреблений властью и преследования оппозиции и пр. В условиях возрастания роли религии в повседневной жизни турецких масс организаторы переворотов, которые неустанно декларировали свое стремление защитить реформы и принципы, заложенные в основу турецкой государственности К. Ататюрком, требовали от политических партий воздерживаться от использования ислама в качестве инструмента решения политических вопросов.

Политическим парадоксом растянувшегося на четыре десятилетия периода военных переворотов предстает то, что он, с одной стороны, надломил демократическое развитие страны по пути «управляемой демократии», но, с другой – упрочил заинтересованность турецких масс в утверждении подлинной демократии, соответствующей исламским принципам правления и турецким историко-культурным традициям. Следствием этого явилось переосмысление роли ислама в общественной жизни страны и попытки его «встраивания» в политику, вызванные в том числе и активизацией политического ислама. Четвертый переворот, произошедший в 1997 году, в немалой степени и был вызван произошедшим по светско-исламскому принципу расколом турецкого общества, способствовавшим приходу к власти исламистской

Партии благоденствия. Последующее прекращение решением Конституционного суда деятельности этой партии рядом исследователей и представляется как переломный политический момент, который ознаменовал собой «отказ от идеи о том, что религия может быть использована для консолидации общества, которая лежала в основе турецко-исламского синтеза» [21, с. 44]. И, тем не менее, последние два десятилетия XX века турецкой истории можно считать периодом политических преобразований, обеспечивших реальные возможности ускоренного демократического транзита страны, устремленной в Европейский союз.

На политической арене Турции преемницей Партии благоденствия, после ее официального запрещения, стала Партия справедливости и развития (ПСР) во главе с Р. Т. Эрдоганом, которая по результатам выборов 2002 года, набрав 34 % голосов избирателей, получила право формирования однопартийного правительства. ПСР, которую одни называли «исламистской», другие – «светски-исламистской», иные – «мусульманско-демократической», сама позиционировала себя не как исламистская, а как консервативная демократическая партия, нацеленная на демократические ценности, права человека, верховенство закона и пр. Будучи умеренно-исламистской партией, она «учла опыт предшественников и, снизив публичную риторику о необходимости укрепления ислама в политике, заговорила о значимости проведения внутренних демократических преобразований в русле западоцентричного внешнеполитического курса» [2, с. 277]. Иначе говоря, она ««деполитизировала» ислам и «перевела» его из политической категории в категорию социального ислама. Ее лидер Р. Эрдоган неоднократно заявлял о светском характере турецкого государства, его нейтральности по отношению ко всем религиозным доктринам, одновременно подчеркивая особую роль ислама на индивидуальном уровне: «государство может быть светским, но не люди»» [6, с. 399].

После прихода к власти ПСР активизировала переговоры о вступлении Турции в ЕС, приняла «стратегию демократизации через европеизацию» и провела ряд реформ либеральной ориентации, в частности, отменила смертную казнь, распространила права меньшинств на курдское население, расширила понимание свободы слова и объединений и пр. В последующие годы были проведены и реформы, ограничивающие роль военных и судебных органов в политике, наделяющие гражданские суды полномочиями судить военнослужащих. Конституционные правки, принятые на референдуме 12 сентября 2010 г., еще больше приблизили политический режим Турции к европейским демократическим стандартам. Но ни эти шаги, ни провозглашенная Р. Эрдоганом годом ранее политика «демократического прорыва» так и не приоткрыли перед Турцией двери ЕС, что привело многих турецких демореформаторов к разочарованию в ценностях либеральной демократии и подтолкнуло их к поискам модели государственно-политического обустройства, учитывающей исламские представления о власти и культурно-историческую специфику собственного народа. С учетом требований шариата ПСР стала постепенно переосмысливать и сложившуюся правовую систему европейского образца. Как отмечает С. Поярков, «формально оставаясь светским государством, Турция встраивает элементы исламского правопорядка в государственную и правовую практику, не закрепляя их в тексте Конституции» [11, с. 13]. Закономерным следствием проводимых реформ стало то, что «турецкая модель демократии претерпела значительные изменения и во многом утратила светскость и либерализм, свойственные западным моделям» [2, с. 274]. Одновременно они привели и к заметному усилению роли ислама в общественно-политических процессах, что показывает реальную возможность модернизации жизни конкретной мусульманской страны на основе исламских представлений о демократии и традиционных ценностей.

И все-же в экспертно-аналитической среде существует неоднозначное толкование осуществленных в последующие годы под руководством ПСР политических

преобразований. Так, принятие на референдуме от 16 апреля 2017 г. пакета конституционных реформ, включающего правку, предполагающую переход к президентской системе, и последовавшая за этим победа Р. Эрдогана на всенародных президентских выборах отдельными аналитиками расценивается не иначе, как легализация режима личной власти и усиление авторитарных тенденций, способных привести к упадку демократии. Распространена и оценка реформ, согласно которой ««демократизация по-турецки», которая выражается в ограничении влияния военных и продвижении прав религиозной части населения, в реальности ведет лишь к консерватизации и планомерной исламизации страны [1, с. 7-8].

В реальности же принятые в последнее десятилетие законы расширяют права и свободы человека в исламском их понимании, что соответствует идеологии ПСР. В программе партии ислам признается одним из самых важных социальных институтов турецкого общества, а демократические ценности в ней переосмысливаются как гарантии сохранения исламской идентичности. Программа, которая заканчивается словами обращения к Аллаху как помощнику в деле строительства демократической Турции, демонстрирует и терпимость к инакомыслию. В ней даже атеизм рассматривается как принцип свободы и социального мира, позволяющий неверующим комфортно чувствовать себя в мусульманской стране, а гражданам, придерживающимся иных религиозных взглядов, беспрепятственно исповедовать свою религию. Зафиксирован в программных документах партии и отказ от использования в политических интересах священных религиозных ценностей и этнической идентичности граждан [12].

Выстроенная на сегодня в Турции политическая система предстает достаточно демократичной даже по западным либеральным меркам. В парламенте республики представлены более 10 партий, которые выражают интересы практически всех социально-классовых субъектов общества. В нем около 20 % депутатов являются женщины, что свидетельствует в пользу практической реализации демократического подхода к участию женщин в политическом процессе. В то же время изменение парадигмы легитимности турецкой власти, произошедшее с начала XXI века под влиянием исламских норм и ценностей, обнаруживает и проблематичность переформатирования устоявшегося режима власти в направлении утверждения исламской демократии. Ключевое значение в развитии в этом направлении приобретает вопрос о принципиальной способности политической системы обеспечивать функционирование легитимного государственного порядка, соответствующего требованиям шариата и готового к правовой адаптации. По сути, это и есть вопрос нахождения разумного баланса между исламскими началами и принципами народовластия, решение которого «предполагает не просто сосуществование двух различных начал, но создание синтетической модели, в которой религия и демократия не подавляют друг друга, а вступают в сложный, но продуктивный диалог» [11, с. 14]. Особенно это касается интеграции шариатских норм в структуру уже сложившейся системы позитивного права западного образца, которая затрагивает проблему нахождения баланса между усилением исламского начала, стремлением власти и исходит из приоритета установлений Корана и Сунны, с одной стороны, и необходимостью укрепления народного суверенитета, защиты принципов плюрализма, сохранения светской составляющей, гарантий прав и свобод человека, с другой.

Проблемность и противоречивость попыток турецких реформаторов выстроить собственную модель правления, адекватную системе исламских ценностей и историко-культурным традициям народа, многими экспертами, и не только западными, нередко изображается как движение к «демократуре» или «путь, следуя которому, демократия постепенно трансформируется через свои самоидентичные характеристики в авторитарный режим, сохраняя при этом свой чисто внешний вид» [20, с. 33]. Институциональное укрепление исполнительной власти, усиление контроля над

судебной властью и прочие инициативы трактуются как нарастание давления государства на инакомыслие. Итак, Турции, как, впрочем, и остальным мусульманским странам, «светочами» западной демократии отказывается в праве на собственное видение власти и навязываются представления о либеральном правлении, как единственно приемлемом политическом режиме для страны, устремленной к демократии. И происходит это несмотря на то, что правление, выстраиваемое на основе исламских ценностей и с соблюдением общепризнанных международных принципов и стандартов, может обеспечивать вполне эффективное управление, защищая при этом и общепризнанные демократические ценности. Во многом именно такое результативное сочетание исламских ценностей с демократическими средствами управления и придает очевидный для всех динамизм развитию турецкого общества, превращая современную Турцию в глазах многих мусульман в образец политической модернизации страны, осуществляемой с учетом национальных интересов и религиозных традиций.

Извилистый путь Египта к демократии

Начало демократического реформирования Египта восходит к 1866 г., когда в стране было принято избирательное право и учреждена Палата депутатов, наделенная правами законосовещательного органа, избираемая шейхами провинций и представителями городских слоев населения. С начала XX в. Египет приступил к выстраиванию многопартийной политической системы по аналогии с европейскими странами. На политической арене страны появились и стали активно проявлять себя такие партии, как «Родина», «Партия нации», «Партия конституционной реформы», «Рабочая социалистическая партия», «Вафд» и др. Неожиданным следствием демократических преобразований, проведенных по либеральным меркам, стало появление на политической арене ассоциации «Братья-мусульмане», чья радикальная идеология оказалась заложенной в основу деятельности целого ряда исламистских группировок, усмотревших в демократических институтах и процедурах их формирования эффективное средство борьбы за власть.

В 1923 г. в Египте была принята Конституция, которая заложила основы парламентской монархии. Наряду с утверждением двухпалатного парламента она закрепила ряд гражданских свобод и определила принципы формирования правительства. Ведущей политической силой стала партия «Вудф». Однако в 1935 году действие конституции было фактически приостановлено королем Фаруком, что привело к заметному ослаблению парламентских институтов. Накопившиеся в последующее десятилетие проблемы социально-экономического плана, особенно поражение Египта в арабо-израильской войне 1948–1949 гг. подорвали авторитет королевской власти. В июле 1952 г. организация «Свободные офицеры», созданная группой либерально настроенных военных, осуществила переворот, результатом которого стало отречение Фарука от престола и переход власти к Совету революционного командования. На смену свергнутой монархии пришло авторитарное правление генерала М. Нагиба, первоначально возглавившего правительство, а затем занявшего пост президента в связи с провозглашением Египта республикой.

Со времени отставки в 1954 г. М. Нагиба и до конца XX века в Египте сменилось еще три президента (Г. А. Насер, А. Садат и Х. Мубарак), что, однако, не оказало какого-либо заметного влияния на характер государственного устройства и утвердившийся политический режим, которые оставались, по существу, неизменными. Ограниченная либерализация политической жизни, произошедшая при президенте А. Садате, объявившем о переходе к «контролируемой демократии», и последовавшее за этим законодательное закрепление многопартийной системы, не изменили того, что демократические процедуры реформаторами продолжали использоваться исключительно как инструментарий укрепления режима личной власти. То появляющиеся, то подвергающиеся запрету политические партии не получали реальной

возможности оказывать влияние на принятие государственных решений; власть в ходе политических новаций все больше концентрировалась в руках президента.

В плане демократизации политической жизни мало что изменилось и с приходом к власти Х. Мубарака после убийства Садата на военном параде 6 октября 1981 г. Египет как был, так и оставался государством с сильной президентской властью и авторитарными методами управления. Сосредоточив в своих руках почти все властные полномочия, Х. Мубарак вначале своего президентства пытался проводить политику ограниченной либерализации, в рамках которой была объявлена амнистия политическим заключенным, возобновлена деятельность ранее распущенных партий, разрешено создание новых политических партий, кроме религиозной направленности. Под флагом легальных партий право участия в выборах получила и ассоциация «Братья-мусульмане».

В конце мая 2005 года по итогам общенационального референдума, проведенного по инициативе президента, были приняты масштабные поправки к Конституции. Так, в ст. 76 Конституции Египта, ранее предполагавшей выдвижение кандидатуры президента двумя третями депутатов парламента с последующим его утверждением в должности на общенациональном референдуме, была внесена правка, вводящая прямые президентские выборы [8]. Новая система выборов отменяла действовавшую на протяжении последних 50 лет процедуру вынесения на голосование лишь одной кандидатуры, утвержденной парламентом. Через год было объявлено о проведении более масштабной конституционной реформы, имеющей целью ограничение полномочий президента и расширение функций парламента. Планируемые изменения должны были коснуться и чрезвычайного положения, введенного в стране еще в 1981 году, а также расширения возможностей участия оппозиционных политических партий в жизни страны. Однако все эти и подобные им непоследовательные и половинчатые политические преобразования, осуществляемые авторитарной властью, не смогли оставить все углубляющуюся социальную поляризацию египетского общества, решить проблему безработицы, особенно среди молодежи, подавить коррупцию и обеспечить хотя бы минимальное соблюдение гражданских прав и свобод.

Накопившиеся в египетском обществе за многие десятилетия проблемы безальтернативного нахождения во власти единственного клана, сконцентрированного вокруг действующего президента, привели к событиям «арабской весны» 2011 года, вынудившим Х. Мубарака подать в отставку. Высший военный совет (ВВС), образованный из военных чинов, к которому перешла власть, объявила о приостановке действия Конституции и роспуске парламента. ВВС избрал тактику маневрирования между различными центрами влияния: было отменено чрезвычайное положение, распущена правящая партия НДП, проведен референдум по изменению наиболее антидемократических статей Конституции, начаты коррупционные процессы над бывшими министрами и бизнесменами, приближенными к прошлому режиму. После всенародного одобрения новой Конституции и проведения президентских выборов ВВС обязался передать бразды правления демократически сформированным законодательным и исполнительным органам власти [3, с. 208–210].

Проведенные в 2012 году первые в истории Египта свободные выборы привели к победе представителя движения «Братья-мусульмане» Мохаммеда Мурси. Конституционная ассамблея Египта, оказавшаяся под контролем умеренных исламистов, превратившихся из оппозиционной силы в правящую партию, подготовила проект новой Конституции, который получил поддержку почти 64 % избирателей и был подписан президентом 26 декабря того же года. Конституция закрепляла суверенитет народа, демократическую систему с политическим плюрализмом, верховенство закона, независимость судебной власти и пр. Одновременно она объявляла ислам государственной религией, а шариат главным источником египетского законодательства. Провозглашая свободу вероисповедания Конституция гарантировала

мусульманам, христианам и иудеям право свободно исповедовать свою религию и создавать места культа (последователи других религий не наделялись такими гарантиями). Она закрепляла защиту личных прав граждан, свободы мысли, мнения и творчества, свободы прессы, свободы собраний, устанавливала право создавать ассоциации и гражданские свободы, иные социально-экономические права. Однако и новая Конституция оказалась внутренне противоречивой и непоследовательной, вызвавшей множество споров и разногласий. По сути, она предстала попыткой реализовать исламское видение государственного устройства, но предпринятой исключительно на основе механического соединения собственно исламских представлений о социально-политической организации жизни уммы с либеральными образцами. Потому она и была отменена на следующий год после принятия сразу же вслед за сменой власти.

Недолгий период президентства М. Мурси, который инициировал политические реформы, позволяющие ему как главе государства получить исключительные законотворческие полномочия и лишить судебные органы функции надзора за Конституционной ассамблеей и Советом шуры, сопровождался протестами и конфликтами не только с военной элитой страны, но и со светски ориентированными партиями и движениями. В условиях обострения внутриполитической ситуации президенту пришлось отказаться от идеи проведения референдума по Конституции, закрепляющей шариат главным источником права, что, однако, не способствовало сохранению за ним власти.

Временное военное руководство, взявшее власть в свои руки после отстранения М. Мурси, в 2014 году провело выборы, по результатам которых президентом стал Абдул-Фаттах ас-Сиси. Политическая деятельность шестого президента Египта ознаменовалась принятием на общенациональном референдуме новой Конституции страны, в которой за исламом сохранялся статус государственной религии, но при этом статьей 3 из-под юрисдикции шариата выводились вопросы личного статуса христиан и иудеев. На основе ст. 74 Конституции Египта запрещалась политическая деятельность и создание политических партий на религиозной почве, а также дискриминация по признаку пола, происхождения, вероисповедания или географического положения, а также любая деятельность, враждебная демократии, тайная или имеющая военный или квазивоенный характер [9]. Была развернута масштабная кампания против ассоциации «Братья-мусульмане», объявленной террористической организацией, что существенно ограничило пространство политической деятельности не только самой ассоциации, но и других исламистских движений.

Конституция 2014 года преобразовала двухпалатный парламент в однопалатную Палату представителей, наделенную полномочиями объявлять импичмент президенту. Президент мог избираться на четырехлетний срок, но не более двух раз подряд. Сохранив в статье 5 прежний принцип разделения властей, она изменила и некоторые механизмы сдержек и противовесов. Изменению баланса влияния между светскими и религиозными институтами в системе власти способствовала и передача права толкования принципов шариата Верховному конституционному суду – традиционно светскому органу. Конституция гарантировала верховенство права и равенство всех перед законом, подчеркнув при этом признание международных стандартов прав человека. В целом она способствовала закреплению гражданского характера государства и усилению исполнительной ветви власти. Но и данная Конституция не сделала Египет государством с исламской демократией, так же как не утвердила в стране демократический режим правления западного образца.

Продолжением конституционных реформ стало вынесение в 2019 году на общенациональный референдум очередных поправок к Конституции, увеличивающих срок президентских полномочий с 4 до 6 лет, позволяющих президенту баллотироваться на третий срок, восстанавливающих пост вице-президента, воссоздающих Сенат как

верхнюю палату парламента и т. д. Из всех конституционных новаций в плане демократического транзита страны значимым можно считать введение не менее 25 % квоты на места для женщин в Палате представителей, а также отдельных квот для рабочих, крестьян, молодежи, религиозных меньшинств и людей с ограниченными возможностями. Другие изменения, в частности наделение президента правом назначать судей и генерального прокурора, создание Высшего совета судебных органов во главе с президентом, правомочного контролировать деятельность судов, и прочие новации многими аналитиками представляются не иначе как попытки возрождения авторитарного режима личной власти.

И действительно, изменения, происходящие в политическом пространстве современного Египта, свидетельствуют о консолидации власти у исполнительной ветви, что происходит при существенном ограничении пространства для политической конкуренции и инакомыслия. Отстранение ряда оппозиционных коалиций от участия в выборах, аннулирование результатов в отдельных округах якобы из-за нарушений, снижение уровня политических свобод, усиление репрессий против оппозиции, возрастание роли военных в политике, доминирование проправительственных сил в парламенте воспринимаются как избавление египетского общества от упований на возможность демократизации жизни страны по либеральным стандартам.

Египетский вариант провального демократического транзита еще раз подтверждает тезис о невозможности укоренения ценностей западной либеральной демократии в обществах с мусульманской системой координат и политических традиций. Но он же актуализирует вопрос о необходимости собственно исламской модели демократии, учитывающей как религиозные ценности, так и культурно-историческую специфику мусульманской страны, идущей по пути демократической модернизации. Для мусульманского мира важна и нужна модель правления, в которой ислам предстанет не инструментом легитимации авторитарного режима личной власти, а основой демократического обустройства жизни уммы. Ведь «демократия, если рассматривать это явление не только как государственно-политическое устройство, но и в более широком смысле, как способ функционирования общественного организма, всегда будет соответствовать специфике исторического развития, традициям, национальной психологии и менталитету, уровню развития гражданского общества и не может являться единой для всех этносов» [5, с. 137].

Заключение

Опыт политической трансформации Турции и Египта показывает безуспешность попыток демократизации жизни мусульманской страны путем копирования (экспорта, принудительного внедрения) образцов европейской демократии, сложившейся на культурно-исторической основе западного христианского общества и политических ценностей либерализма. Демократический транзит мусульманской страны может быть успешным, только если он будет происходить на основе исламских ценностей и с учетом того влияния, которое будут оказывать на ход развития уровень социально-экономического развития, исторические традиции политической культуры, психология и менталитет народа. Важно и понимание того, что политико-правовое оформление исламской государственности через демократические механизмы будет подвергаться постоянному давлению самых различных идейно-политических сил – от радикальных до либеральных. А режим власти, утверждаемый в мусульманском государстве, неизбежно будет находиться в тисках противоположных влияний: с одной стороны, он будет ограничиваться стремлением к сохранению собственной религиозной и социокультурной идентичности, с другой – подвергаться влиянию процессов глобализации и модернизации, т. е. ориентироваться не только на интересы и запросы своего народа, но и на требования международного права.

Литература

1. Аватков, В. А. Турецкая демократизация в 1990-е – ключ к сегодняшней исламизации Турции / В. А. Аватков // Ближний Восток и современность. 2012. № 45. – С. 1–8.

2. Аватков, В. А. Турция в современном мире: между демократией и авторитаризмом / В. А. Аватков, А. И. Сбитнев // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1 (117). – С. 270–288.

3. Аксененок, А. Египет: особенности переходного периода / А. Аксененок // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? – Москва, 2012. – С. 204–220.

4. Видясова, М. Ф. Египет в последней трети XX века / М. Ф. Видясова, М. Ш. Умеров. – Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. – 248 с.

5. Долгов, Б. В. Демократия и исламизм в арабских странах (Алжир, Тунис, Египет) / Б. В. Долгов // Полития. 2007. № 4. – С. 122–138.

6. Жигульская, Д. В. Основные этапы развития демократии в Турции // Ближний Восток в поисках политического будущего: кол. монография / науч. ред. В. Г. Барановский и В. В. Наумкин, отв. ред. А. В. Сарабьев. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2019. – 484 с.

7. Жигульская, Д. В. Турция после перехода к многопартийной системе: государственные перевороты 1960, 1971, 1980-х гг. / Д. В. Жигульская // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 10. – С. 41–46.

8. Конституция Египта. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/

9. Конституция Египта 2014 года. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2019

10. Кузнецов, В. Дилеммы демократизации: политика Евросоюза в Тунисе и Египте после арабского пробуждения / В. Кузнецов, Л. Оганисян // Современная Европа. 2018. № 5. – С. 25–38.

11. Поярков, С. Ю. Исламский конституционализм в условиях глобализации: трансформация правовых и политических институтов в контексте современной конституционной практики / С. Ю. Поярков // Политика и общество. 2025. № 3. – С. 1–20.

12. Программа Партии справедливости и развития. – URL: http://www.akparti.org.tr/english/akparti/parti-programme.

13. Сюкияйнен, Л. Р. Исламская политико-правовая культура и демократизация в мусульманском мире: конфликт или совместимость? / Л. Р. Сюкияйнен // Религия и конфликты. – Москва, 2007. – С. 85–105.

14. Шлыков, В. И. Демократия на Ближнем Востоке в историческом контексте: опыт Турции и фактор отношений с ЕС / В. И. Шлыков, П. В. Шлыков // Актуальные проблемы Европы. 2023. Т. 117, № 1. – С. 38–64.

15. Ayla, Gol. Turkey Facing East: Islam, Modernity and Foreign Policy / Ayla Gol. – Manchester, England. Manchester University Press. 2013. – 224 p.

16. Ecevit, B. Prospects and difficulties of democratization in the Middle East / B. Ecevit // Rules and rights in the Middle East. Democracy, law and society. – Seattle, L., 1993. – URL: https://archive.org/details/rulesrightsinmid00gold

17. Farhan, Abdul Majiid. Islamic populism and the question of secularism: the case of Indonesia and turkey / Abdul Majiid Farhan // Jurnal Penelitian Politik. 2023. № 20 (1). – Pp. 1–15.

18. Gözaydin, I. Religion, Politics and Society in Modern Turkey: 1808–2023 / I. Gözaydin. – Edinburgh University Press, 2024. – 288 p.

19. Mansfield, P. A. History of the Middle East. Fourth Edition revised and updated by Nicolas Pelham / P. A. Mansfield. – Penguin books, 2013. – 593 p.

20. Philippe, X. La légitimation constitutionnelle des démocratures / X. Philippe // Pouvoirs. 2019. № 2. – Pp. 33–45.

21. Rabasa, A. The Rise of Political Islam in Turkey / A. Rabasa, F. S. Larrabee. – RAND National Defense Research Institute, 2008. – 113 p.

22. Saraç, N. Alevilerin Siyasal Tarihi. Kitap I (1300–1971) / N. Saraç. – İstanbul, 2011. – 217 p.

23. Shaykhutdinov, R. Democracy, Islam, and Secularism in Turkey (eds. Ahmet T. Kuru and Alfred Stepan) / R. Shaykhutdinov. – New York: Columbia University Press, 2012. – 216 p.

References

1. Avakov V. A. Turkish Democratization in the 1990s – the Key to Today's Islamization of Turkey. *The Middle East and Modernity*, no. 45 (2012): 1–8. (In Russian)

2. Avakov V. A., Sbitnev A. I. Turkey in the Modern World: Between Democracy and Authoritarianism. *Current Problems of Europe*, no. 1 (2023): 270–288. (In Russian)

3. Aksenenok A. Egypt: Features of the Transition Period. *The Middle East, the Arab Awakening and Russia: What's Next?* Moscow, 2012. Pp. 204–220. (In Russian)

4. Vidyasova M. F., Umerov M. Sh. *Egypt in the Last Third of the 20th Century*. Moscow: Institute for Israel and Middle East Studies, 2002. – 248 p. (In Russian)

5. Dolgov B. V. Democracy and Islamism in Arab Countries (Algeria, Tunisia, Egypt). *Polity*, no. 4 (2007): 122–138. (In Russian)

6. Zhigulskaya D. V. The Main Stages of Democracy Development in Turkey. In: *The Middle East in Search of a Political Future* (Collective Monograph). Academic eds. V. G. Baranovsky and V.V. Naumkin, editor-in-charge A. V. Sarabyev. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019. 484 p. (In Russian)

7. Zhigulskaya D. V. Turkey after the transition to a multiparty system: the coups of 1960, 1971 and 1980. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, no. 10 (2017): 41–46. (In Russian)

8. Constitution of Egypt. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ (In Russian)

9. Constitution of Egypt of 2014. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2019 (In Russian)

10. Kuznetsov V., Oganisyan L. Dilemmas of Democratization: EU Policy in Tunisia and Egypt after the Arab Awakening. *Modern Europe*, no. 5 (2018): 25–38. (In Russian)

11. Poyarkov S. Yu. Islamic Constitutionalism in the Context of Globalization: Transformation of Legal and Political Institutions in the Context of Modern Constitutional Practice. *Politics and Society.* no.3 (2025): 1–20. (In Russian)

12. The Justice and Development Party Program. URL: http://www. akpar-ti.org.tr/english/akparti/parti-programme. (In Russian).

13. Syukiyainen L. Islamic Political and Legal Culture and Democratization in the Muslim World: Conflict or Compatibility? In: *Religion and Conflicts*. Moscow, 2007. Pp. 85–105. (In Russian)

14. Shlykov V. I., Shlykov P. V. Democracy in the Middle East in a Historical Context: Turkey's Experience and the Factor of Relations with the EU. *Current Issues of Europe*, no. 1 (2023): 38–64. (In Russian)

15. Ayla Gol. *Turkey Facing East: Islam, Modernity and Foreign Policy*. Manchester, England. Manchester University Press, 2013. 224 p. (In English).

16. Ecevit B. Prospects and difficulties of democratization in the Middle East. In *Rules and rights in the Middle East. Democracy, law and society*. Seattle, L., 1993. – URL: https://archive.org/details/rulesrightsinmid00gold (In English).

17. Farhan Abdul Majiid. Islamic populism and the question of secularism: the case of Indonesia and Turkey. *Jurnal Penelitian Politik*, no. 20 (2023): 1–15. (In English).

18. Gözaydin *I. Religion, Politics and Society in Modern Turkey: 1808–2023.* Edinburgh University Press, 2024. 288 p. (In English).

19. Mansfield P. A. *History of the Middle East*. Fourth Edition revised and updated by Nicolas Pelham. Penguin books, 2013. 593 p. (In English).

20. Philippe X. La légitimation constitutionnelle des démocratures. *Pouvoirs*, no. 2 (2019): 33–45. (In French)

21. Rabasa A., Larrabee, F. S. *The Rise of Political Islam in Turkey*. RAND National Defense Research Institute, 2008. 113 p. (In English).

22. Saraç N. *Alevilerin Siyasal Tarihi. Kitap I (1300–1971)*. İstanbul, 2011. 217 p. (In Turkish).

23. Shaykhutdinov R. *Democracy, Islam, and Secularism in Turkey*. Ahmet T. Kuru and Alfred Stepan, eds. New York: Columbia University Press, 2012. 216 p. (In English)